

М.Н. Овчинникова

«...КУДА ЖЕ ВЕТЕР КРЫЛЬЕВ ДЕТЬ?»

УРОК – ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПОРТРЕТ

ПО ТВОРЧЕСТВУ Е.Ю. КУЗЬМИНОЙ-КАРАВАЕВОЙ (МАТЕРИ МАРИИ) В 11 КЛАССЕ (2 ЧАСА)

Урок – знакомство с творчеством поэта, мыслителя, религиозного философа, художника рубежа веков **Е.Ю. Кузьминой-Каравасвой (матери Марии)** рекомендуется провести после монографического рассмотрения творчества А. Блока как иллюстрацию идеи «творчества жизни», горения, делания «своей автономной эстетической реальности...» [1; 6].

Цель урока:

- расширить представление учащихся о мироощущении рубежа веков;
- показать своеобразие социального и культурного пласта русского зарубежья во Франции и место матери Марии в нем;
- вызвать чувство сопричастности к трагедии соотечественников, оказавшихся на Западе, и чувство гордости за их подвижнический труд в деле сохранения и преумножения русской культуры.

Ход урока:

1. Слово учителя: (чтение статьи О. Пиеничного «Как я был фанатом Леонтьева»).

Заканчивая знакомство с творчеством А.А. Блока, я предлагаю бережно прикоснуться к еще одной незаурядной судьбе, которая тесно переплелась с именем великого символиста.

«Была поздняя ночь, переходящая в раннее утро. Сумеречная прохлада набиралась за воротник и гнала ночного путника к дому. Путником был я, засидевшийся у товарища на дне рождения. Опоздав на метро, я брел пешком уже второй час... Шампанское уже выветрилось из головы, и я вполне трезво осознавал ситуацию: до моего дома и быстрым шагом менее чем за часа четыре не дойти.

Вдруг голос, точнее – голосок:

– Эй, дай позвонить.

Из-за угла выходит девушка. Внешность самая заурядная: юбочка, кофточка, сумочка какая-то. На лице – жуткий парфюмерный сюрреализм – сплошное ядовитое пятно. Между чем-то малиновым и чем-то оранжевым – остренькие кругленькие глазки. Пришлось вырвать.

– А сигарета есть?

И сигарету дал. А она вдруг так доверительно, голос понизив:

– Слуш, чего скажу... Другому не сказала бы. Я щас дом тебе покажу, где Валерочка живет.

– Какой Валерочка? – изумился я.

– Ну дает, не знаешь, что ли, что здесь Леонтьев живет, – и возвела глаза сначала ввысь, призывая небо в свидетели, а потом куда-то в сторону предполагаемого обиталища артиста эстрады Валерия Леонтьева.

– Я тут дежурю, – говорит, – фанатка я, понял?

Я сначала хотел отмахнуться, – дело понятное, фанатка и есть фанатка. А потом интересно стало.

– Ну, давай, – говорю, – покажи.

И мы пошли. Шли минут пять и вышли к обычному кирпичному дому. Девчонка с видом знатока окинула взором окна то ли третьего, то ли четвертого этажа.

– Ага. Свет не горит. Не пришел еще. Щас тачку посмотрим.

Мы обошли дом кругом и подошли к первому подъезду.

– Ага. Севка здесь (за имена не ручаюсь).

– Какой Севка?

– Ну, телохранитель. Он, значит, хату охраняет.

Она помолчала, потом: – Меня Люська зовут. Пошли в подъезд зайдем.

Зашли в подъезд, сели на ступеньки. Закурили.

– А зачем ты ... фанатеешь? – сказал я и понял, что спросил какую-то чушь.

– Как это зачем?! Ты что, не знаешь, что Валера – величайший артист эстрады?!!

– А дежуришь зачем? – я пошел ва-банк.

– Ну, посмотреть на него, может, сказать ему чего-нибудь. Я уже с ним однажды говорила. Правда, меня сразу другие оттолкнули. Ну он так, ничего.

– А ты в свободное время чем занимаешься?

– А... так... ничем. Ну, бывает, в колледж зайду... Там такая лажа!

Люся снова позвонила: – Не берет трубку.

Я хотел порасспросить Люсю еще – кто она, что она и что думает о жизни и творчестве Леонтьева. Но я заметил, что Люся прислони-

лась к стеночке и мирно в одну секунду заснула. Задремал и я.

Когда открыл глаза – было уже полшестого. Сразу сообразил – можно идти в метро. Люся посапывала рядом. Разбудил ее.

– Тебе на Юго-Запад? – спросила она. – Отлично! Щас тачку возьмем.

– Да уж ладно, спасибо, я на метро.

Ехал в метро, а в голову лезли разные вопросы: а, правда, черт возьми, зачем это все? Откуда берутся эти девчонки и мальчишки, которые расписали все стены и подворотни, которые забрасывают нашу редакцию письмами – кто по поводу Дмитрия Маликова, а кто по поводу Валерии. Стены в подъезде, и те расписывают с одними мыслями: отметить, прикоснуться. К чему? Я знаю, как серьезно и много работает Леонтьев. Но почему так непредсказуем результат. Меня немножко пугает и то, с какой враждебностью фанаты разных музыкантов относятся друг к другу. Неужели музыка, если это действительно хорошая музыка, способна рождать в наших душах ненависть и агрессию?

Грустно мне было, когда я ехал в метро на первом поезде от станции “Менделеевская”...» [6; 4]. *(Учитель по своему усмотрению может использовать любую подходящую по проблематике статью).*

Что ж, история не нова. Во все времена существовали таланты и их поклонники. Похожая история произошла в начале XX века.

1908 год. У подъезда дома, заложив руки в карманы и распустив уши финской шапки, стоит юное существо. Терпеливо ждет, в который раз повторяя слова приветствия своему кумиру...

Она увидела его на литературном вечере какого-то захудалого реального училища, где читали стихи поэты-декаденты. Один – высокий, лицо несовременное, а будто со средневекового надгробного памятника, из камня высеченное, красивое и неподвижное – читает...

2. Подготовленный ученик читает стихотворение А. Блока «Незнакомка».

3. Слово учителя.

Человек с таким далеким, безразличным, красивым лицом – Блок! Девушка узнает его адрес: Галерная, 41.

Сердце замерло. Он входит. В черной широкой блузе с отложным воротником, совсем такой, как на известном портрете. Ничего не говорит, не спрашивает, зачем она пришла. Генни всегда великодушны.

4. Подготовленная ученица читает отрывок из статьи Е.Ю. Кузьминой-Караваевой «Встречи с Блоком» (к пятидесятилетию со дня смерти).

«Наконец собираюсь с духом, говорю все сразу. Петербурга не люблю, рыжий туман ненавижу, не могу справиться с этой осенью. Знаю, что в мире тоска, брожу по островам часами, и почти наверное знаю, что Бога нет. Все одним духом выкладываю... Он внимателен, почтителен и серьезен, он все понимает, совсем не поучает... Мы долго говорим о жизни, о стихах, которые, как всякое колдовство, необъяснимы и мучительны. Что входят в память внезапно и навсегда... Уходя с Галерной, я оставила часть души там. Это не полудетская влюбленность. На сердце скорей материнская встревоженность и забота. А наряду с этим сердцу легко и радостно. Хорошо, когда в мире есть такая большая тоска, большая жизнь, большое внимание, большая, обнаженная, зрячая душа» [3; 620-621].

5. Слово учителя.

А через неделю она получит письмо: конверт необычный, ярко-синий. Почерк твердый. Не очень крупный, но широкий, щедрый, широко расставлены строчки. В письме есть стихи:

6. Подготовленный ученик читает стихотворение А. Блока «Когда Вы стоите на моем пути...»

7. Слово учителя.

С той встречи берет начало творческая и мученическая жизнь Лизы Пиленко, Елизаветы Кузьминой-Караваевой, Е.Ю. Скобцовой, матери Марии – поэта, мыслителя, художника, монахини, религиозного философа.

А как иначе можно было ее прожить, если благословил тебя он, Блок!

В 1909 году Лиза Пиленко окончила гимназию, получила аттестат с серебряной медалью, стала слушательницей философского отделения историко-филологического отделения Бестужевских курсов. Выйдя замуж за Д.В. Кузьмина-Караваева, дружившего со многими столичными поэтами, молодая женщина стала посещать знаменитую «башню» Вяч. Иванова. Когда в 1911 году Н. Гумилев и С. Городецкий создали «Цех поэтов», Е.Ю. Кузьмина-Караваева стала активной участницей «цеховых» заседаний. В «Цехе» она близко общалась с А. Ахматовой, О. Мандельштамом. Бывала и в других литературных «очагах» столицы: ка-

бачке «Бродячая собака», ресторане «Вена». Она и сама пишет стихи, основной мотив которых – разочарованность в жизни, усталость, безнадежность. Эти мысли навеяны как общими настроениями растерявшейся русской интеллигенции, так и личными переживаниями автора: развод с мужем, рождение и болезнь дочери, неразделенная любовь к Блоку. Стихи – «свои», без подражания кому-либо.

С. Городецкий благосклонно отозвался о первых поэтических сборниках Е.Ю. Кузьминой-Караваевой, в которых, по его словам, воплощена «психическая жизнь современной женщины, заблудившейся в противоречиях между свободным чувством и лицемерным бытом» [5; 24].

Ничуть не меньше, чем литературная, Е.Ю. Кузьмину-Караваеву влекла художественно-выставочная жизнь Петербурга. Молодые художники столицы основали в 1910 году общество «Союз молодежи», идеи которого очень импонировали ее собственным. С картиной «Змей Горыныч» Елизавета Юрьевна дебютировала. В 3-й выставке «Союза» приняла участие и Е.Ю. Кузьмина-Караваева. Один из обозревателей выставки отметил, что художники «отпугивают кажущимися крайностями... каким-то преднамеренным варварством» [5; 37]. Брошенное автором обидное слово было подхвачено Е.Ю. Кузьминой-Караваевой: варвары – это не только разрушители старой, но и носители новой культуры.

Все изменил Октябрь. «Всем телом, всем сердцем, всем сознанием слушайте революцию!». Это обращение и к ней. Она участвует в управлении «красной» Анапой. Но меняется власть, и она арестована деникинской контрразведкой. В газете «Одесский листок» сохранилось письмо деникинцам в защиту Е.Ю. Кузьминой-Караваевой, подписанное М Волошиным, В. Инбер, А. Толстым: «Пришло известие, что в Екатеринодаре предана военно-полевому суду Е.Ю. Кузьмина-Караваева по обвинению в большевизме, и ей грозит смертная казнь. Нельзя прочесть этого известия без тревоги. Е.Ю. Кузьмина-Караваева – поэт, мыслитель, философ.

Невозможно подумать, что даже в пылу гражданской войны сторона государственного порядка способна решиться на истребление русских духовных ценностей, особенно такого веса и подлинности, как Е.Ю. Кузьмина-Караваева». Избежать трагедии помог кубанский казак, офицер Д.Е. Скобцов, за которого она позднее выйдет замуж.

– Куда дальше? С кем?

Вспомнив блоковское: «Если не поздно, то бегите от нас, умирающих», – в 1923 году Е.Ю. Кузьмина-Караваева оказывается на отплывающем из Новороссийска теплоходе.

(О том, как это происходило, учащиеся могут получить представление, посмотрев отрывок из художественного фильма «Бег» по одноименному роману М. Булгакова, или художественного фильма «Два товарища»).

Удалось вырваться в Париж! Именно здесь открывался трагизм прибывающих толпами русских. Одичавших. Растерянных. Толкавшихся по парижским улицам, как на узловой станции. Смахивающих на сумасшедших, бросающихся в магазины и скупающих спички, соль, крупы. Отличающихся особой походкой людей, идущих без цели.

8. Звучит романс В. Вертинского «Покажите милостыню ей» или песня «Как уютельны в России вечера» в исполнении группы «Белый орел». На фоне музыки демонстрируются рисунки русского художника-эмигранта, сделанные во время эвакуации армии Врангеля из Крыма. [2; 125-127].

Где-то далеко осталась Россия, Блок, детство.

9. Подготовленный ученик читает стихотворение Е.Ю. Кузьминой-Караваевой

Устало дышит паровоз,
Под крышей легкий пар клубится.
И в легкий утренний мороз
Торопятся людские лица.

От города, где тихо спят
Соборы, площади и люди,
Где темный каменный наряд
Веками был, веками будет,

Где зелена струя реки,
Где все в зеленоватом свете,
Где забрались на чердаки
Моей России милой дети.

Опять я отрываюсь вдаль,
Опять душа моя нищает,
И только одного мне жаль, –
Что сердце мира не вмещает [3; 179].

10. Слово учителя:

В эмиграции Е.Ю. Кузьмина-Караваева принимает постриг и становится матерью Марией, истинной матерью русским людям, разделившим вместе с ней эмиграцию, нищету. В Париже, на ул. Лурмель, мать Мария устроила общежитие и столовую для обездоленных рус-

ских, отыскивая их по больницам и психиатрическим лечебницам. В богадельне на ул. Лурмель проведет свои последние дни «отец русского символизма» Константин Бальмонт.

А еще она писала стихи...

11. Подготовленный ученик читает стихотворение Е.Ю. Кузьминой-Караваевой.

Подвел ко мне, сказал: усынови
Вот этих, – каждого в его заботе.
Пусть будут жить они в твоей крови, –
Кость от костей твоих и плоть от плоти.

Дарующий, смотри, я понесла
Их нежную потерянность и гордость,
Их язвинки и ранки без числа,
Упрямую ребяческую твердость.

О, Господи, не дай еще блуждать
Им по путям, где смерть многообразна.
Ты дал мне право, – говорю, как мать,
И на себя приемлю их соблазны [3; 125].

12. Слово учителя.

И вновь потрясение. Война. С начала II мировой войны она собралась в Россию пешком: «Я не боюсь за Россию, я знаю, что она победит... будет русский период истории. России предстоит великое будущее, но какой океан крови»[4; 17].

13. Подготовленный ученик читает стихотворение Е.Ю. Кузьминой-Караваевой.

Ночь. И звезд на небе нет.
Лает вдалеке собака.
Час грабителя и вора.
Сторож колотушкой будит.

– Сторож, скоро ли рассвет?
Отвечает он из мрака:
– Ночь еще, но утро скоро,
Ночь еще, но утро будет [3; 220].

14. Слово учителя.

Но, понимая что фашизму можно противостоять и здесь, мать Мария становится участницей французского Сопротивления. Ее любви десятки и сотни людей обязаны жизнью – и среди них – дети, очень много детей.

15. Подготовленный ученик рассказывает историю создания стихотворения «Два треугольника – звезда...» и читает его.

Стихотворение «Два треугольника – звезда...» связано с массовыми арестами евреев в Париже в июле 1942 года. Около 7000 человек были загнаны на велодром неподалеку от

приюта, устроенного матерью Марией. Благодаря монашескому одеянию мать Мария проникла на стадион, провела там несколько дней, утешая пленных, раздавая им скудную провизию. Сговорившись с французскими мусорщиками, она опускала детей в ящики для мусора, и те вывозили их за пределы велодрома. Остальных ждал Освенцим.

Два треугольника – звезда.
Щит праотца, отца Давида,
Избрание – а не обида,
Великий дар, а не беда.

Израиль, ты опять гоним, –
Но что людская воля злая,
Когда тебе в грозе Синая
Вновь отвечает Элогим!

Пускай же те, на ком печать,
Печать звезды шестиугольной,
Научатся душою вольной
На знак неволи отвечать [3; 220].

16. Слово учителя.

Все в этой жизни отпущено ей было щедрой мерой. И горе – тоже.

В 1926 году тяжелая болезнь унесла ее младшую дочь Настю. В 1935 году вернется в Россию, где умрет год спустя ее дочь Гаяна (земная). Матери Марии не суждено будет узнать, что в фашистских застенках в феврале 1944 года погибнет ее сын Юрий.

17. Подготовленный ученик читает стихотворение.

Еще до смерти будет суд.
Мой собственный и беспощадный,
Когда возьмут и унесут
Монашеский наряд нарядный.

С укором перечислят мне
Мои грехи святые сестры.
И суд велит гореть в огне.
И это будет новый постриг [3; 220].

Написанное в 1938 году, стихотворение стало пророческим. Мать Мария предскажет в нем свою мученическую смерть в печах Равенсбрюка.

18. Слово учителя.

По отношению к оккупантам мать Мария вела себя смело, а порой – дерзко. Ловила по радиоприёмнику запрещенные передачи из Москвы и Лондона, укрывала патриотов, евреев, бежавших советских военнопленных. В ее камере висела карта Европы, на которой она от-

мечала натянутой на булавки шерстинкой линию восточного фронта. Она жила победами и ждала, не могла дожидаться триумфального финала. Вся ее душа была со своим народом. Адрес «улица Лурмель, 77» фашистам был хорошо известен: агенты гестапо нередко присутствовали на общих трапезах. Поэтому арест матери Марии 9 февраля 1943 года не был для окружающих чем-то неожиданным. Два года провела она в концентрационном лагере Равенсбрюк. Ее любовь и там спасала людей от отчаяния. *(На этом этапе урока можно предложить учащимся посмотреть отрывок из художественного фильма С. Колосова «Мать Мария».* Сестра Шарля де Голля Женестьева де Голль, соседка матери Марии по нарам, вспоминала: «Около нее мы молились или иногда поем вполголоса. Мать Мария часто ходит к русским «солдаткам». Она нам рассказывает с восхищением об их мужестве. Она никогда не казалась удрученной, никогда не жаловалась, и если всех будили в три часа ночи на переключку, говорила: «И завтра повторим то же самое. А потом наступит один прекрасный день, когда всему этому придет конец. На матрасишке она устраивала настоящие маленькие «кружки», в которых беседовала об истории России, о будущем, читала стихи Блока и никогда не упоминала, что сама поэтесса. Как-то во время переключки мать Мария заговорила с русской. Эсэсовка ударила ее ремнем по лицу. Мать Мария договорила фразу, будто эсэсовки перед ней и не было» [4; 18].

Выменивая хлеб на нитки, она вышивала в лагере икону – Богоматерь держит на руках распятого Христа. Закончить работу ей не удалось. Когда фашисты, готовясь бежать от наступающей Красной Армии, начали массовую отправку людей в газовую камеру, она шагнула в шеренгу отобранных к смерти людей, чтобы ободрить и вселить в них надежду, бросая милосердием вызов злу, до конца осуществив миссию духовного горения. Последними ее словами были слова: «Я не верю в газовую камеру».

Она погибла в 31 марта, в канун Пасхи 1945 года.

19. Учитель читает стихотворение.

Господь мой, я жизнь принимала.
Любовно и жарко жила.
Любовно я смерть принимаю.
Вот налита чаша до края,
К ногам Твоим чаша упала.
Я жизнь пред Тобой разлила. [3; 153].

Только после фильма С. Колосова «Мать Мария», вышедшего на экраны в 1980 году, она была награждена посмертно орденом Отечественной войны II степени. Ей присвоено звание «Праведник Мира» и в Израиле, в саду «Яд Вашем», посажено дерево в память матери Марии. Пусть поздно, но воздали.

20. Подведение итогов и домашнее задание.

Говорят, у судьбы есть глаза. Она сводит и разводит людей. Задает вопросы и требует ответов. Ответы не всегда в словах. Теперь с высоты прожитых лет и строк стихов матери Марии: *Как скупы в этом мире измерения! // Лишь три. Куда же ветер крыльев деть?* – становится ясно, что есть нечто большее, чем слова, есть то, что живет и горит внутри, что когда-то привело юную Лизу Пиленко к Блоку – живая, единственная связь – ЛЮБОВЬ. Она это знала. Она любила мир, людей, жизнь, нас, еще не рожденных. «Ибо только влюбленный, – учил ее Блок, – имеет право на звание человека».

Вы, ребята, наверняка согласитесь со мной, что, идя навстречу будущему, нельзя отказываться от прошлого. Большие личности, которые бы поднимали до себя, до бытия над бытием, в России были всегда. Они должны вернуться в нашу жизнь, чтобы освещать ее светом любви и веры.

Я хотела рассказать вам о встрече двух людей, от которой на всю жизнь свет остался и имя. Побольше бы нам таких встреч.

Желающие могут полностью посмотреть художественный фильм С. Колосова «Мать Мария» и прочитать воспоминания Е.Ю. Кузьминой-Караваевой «Встречи с Блоком».

Литература к уроку

1. Барковская Н.В. Русский символизм в школьном изучении // Филологический класс. 2007. № 7.
2. Жак Делеон. Белые русские в Стамбуле // Родина. 1998. № 5-6.
3. Кузьмина-Караваева Е.Ю. Равнина русская: Стихотворения и поэмы. Пьесы-мистерии. Художественная и автобиографическая проза. Письма. СПб.: Искусство-СПб, 2001.
4. Кайдаш С. Мать Мария // Наука и религия. 1999. № 8-11.
5. Мать Мария (Скобцова). Красота спасающая: живопись, графика, вышивка. СПб.: Искусство-СПб, 2004.
6. Пшеничный О. Как я был фанатом Леонтьева // Комсомольская правда. 1990. 23 сентября.